

Лев Николаевич Толстой

**Прогресс и определение
образования**

**Толстой Лев Николаевич
Прогресс и определение
образования**

Л.Н.Толстой

ПРОГРЕСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

(Ответ г-ну Маркову. "Русский вестник", 1862 г., No 5)

Главные пункты разногласия г. Маркова с нашим взглядом на образование формулированы следующим образом: "1. Мы признаем право одного поколения вмешиваться в воспитание другого. 2. Мы признаем право высших классов вмешиваться в народное образование. 3. Мы не согласны с яснополянским определением образования. 4. Думаем, что школы не могут и не должны быть изъяты из-под исторических условий. 5. Думаем, что современные школы гораздо ближе отвечают современным потребностям, чем средневековые. 6. Считаем паше воспитание не вредным, а полезным. 7. Думаем, что полная свобода воспитания, как ее понимает граф Толстой, вредна и невозможна. 8. Думаем, наконец, что устройство яснополянской школы противоречит убеждениям редактора Ясной Поляны".

("Рус. вест.". 1862 г., No 5, стр. 186.)

Прежде чем отвечать на каждый из этих пунктов, мы попытаемся отыскать основную причину разногласия вашего взгляда с взглядом г. Маркова, возбудившим общее сочувствие как педагогической, так и не педагогической публики.

Причина эта заключается в недосказанности нашего взгляда, которую мы постараемся пополнить, и в неточности и ограниченности понимания со стороны г. Маркова и вообще публики наших положений, которые мы и постараемся разъяснить. Очевидно, что разногласие происходит от различия понимания и, вследствие того, определения самого образования. Г. Марков говорит: мы не согласны с яснополянским определением образования. Но г. Марков не опровергает наше определение, а делает свое определение. Главный вопрос состоит в том: наше или г. Маркова определение образования справедливо? Мы сказали: образование, в самом общем смысле, обнимающее и воспитание, есть, по нашему убеждению, та деятельность человека, которая имеет основанием потребность к равенству и неизменный закон движения вперед

образования, и сознаемся в том, что слова эти, на которые г. Марков просит читателя обратить особое внимание, для большинства публики и г. Маркова требовали объяснения. Но прежде чем дать эти объяснения, мы считаем необходимым сделать отступление о том, почему г. Марков и вообще публика не захотели понять этого определения и не обратили на него никакого внимания.

Со времен Гегеля и знаменитого афоризма "что исторично, то разумно" в литературных и изустных спорах, в особенности у нас, царствует один весьма странный умственный фокус, называющийся историческое воззрение. Вы говорите, например, что человек имеет право быть свободным, судиться на основании только тех законов, которые он сам признает справедливыми, а историческое воззрение отвечает, что история вырабатывает известный исторический момент, обуславливающий известное историческое законодательство и историческое отношение к нему народа. Вы говорите, что вы верите в бога, - историческое воззрение отвечает, что история вырабатывает известные религиозные воззре-

ния и отношения к ним человечества. Вы говорите, что Илиада есть величайшее эпическое произведение, - историческое воззрение отвечает, что Илиада есть только выражение исторического сознания народа в известный исторический момент. На этом основании историческое воззрение не только не спорит с вами о том, необходима ли свобода для человека, о том, есть или нет бога, о том, хороша или не хороша Илиада, не только ничего не делает для достижения той свободы, которой вы желаете, для убеждения или разубеждения вас в существовании бога или в красоте Илиады, а только указывает вам то место, которое ваша внутренняя потребность, любовь к правде или красоте, занимает в истории; оно только сознает, но сознает не путем непосредственного сознания, а путем исторических умозаключений. Скажите, что вы любите или вери 1000 те во что-нибудь, - историческое воззрение говорит: любите и верьте, и ваша любовь и вера найдут себе место в нашем историческом воззрении. Пройдут века, и мы найдем то место, которое вы будете занимать в истории; но вперед знайте, что то,

что вы любите, - не безусловно прекрасно, и то, во что вы верите, - не безусловно справедливо; но забавляйтесь, дети, - ваша любовь и вера найдут себе место и приложение. К какому хотите понятию стоит только приложить слово: историческое, - и понятие это теряет свое жизненное, действительное значение и получает только искусственное и неплодотворное значение, в каком-то искусственно составленном историческом мирозерцании.

Г. Марков говорит: "Общая цель есть результат всей жизни, окончательный вывод из действия разнородных сил. Его можно видеть только при окончании, и в нем пока нет нужды. Стало быть, и педагогика вправе не иметь конечной цели, вправе стремиться к своим временным и местным целям, по преимуществу имеющим значение для жизни" (Р. в., No 5, стр. 153). Искать критериум педагогики, по его мнению, бесполезно. Достаточно знать, что мы находимся в исторических условиях, - и все хорошо.

Г. Марков вполне усвоил себе историческое воззрение; он, как и большинство рус-

ских мыслящих людей нашего времени, обладает искусством присоединять понятие исторического ко всякому явлению жизни, умеет наговорить много ученого и остроумного, в историческом смысле, на каждый случай, вполне владеет историческим каламбуром. В первой статье "Ясной Поляны" сказано было, что образование имеет своим основанием потребность к равенству и закон движения вперед образования. Хотя высказанное и без доказательств, это положение объясняло причину явления. Можно было не согласиться и требовать доказательств; но только историческое воззрение может не чувствовать необходимости изыскания причин такого явления, каково образование. Г. Марков говорит: "Желательно, чтобы читатель с особенным вниманием остановился на этих словах. Мне они просто кажутся бесплодною натяжкой, затемняющею смысл всем понятных вещей. Зачем тут потребность равенства, инстинкт; зачем особенно этот фатум, неведомый закон движения, не позволяющий одного, повелевающий делать другое? Кто его признал, или доказал? Если опровергнуть, как делает граф

Толстой, воспитательное влияние взрослого поколения на молодое, то в чем надобно видеть этот чудный закон? Мать любит ребенка, хочет удовлетворить его нуждам и сознательно, без всякой мистической потребности, чувствует надобность приноровиться к его зачаточному рассудку, говорить с ним простейшим языком. Она не только не стремится к равенству с своим ребенком, что было бы в высшей степени противоестественно, а, напротив, намеренно старается передать ему весь запас своего знания. В этой-то естественной передаче умственных приобретений от одного поколения к другому и состоит движение образования, не нуждающееся ни в каких новых специальных законах. Каждый век кидает в общую кучу свою горсть, и чем дальше мы живем, тем выше поднимается эта куча, тем выше и мы с ней поднимаемся. Это известно до избытка, и я не вижу никакого оправдания в стремлениях потрясти такую, логически и исторически очевидную, истину".

Вот лучший образец исторического воззрения. Вы ищете объяснения знаменательней-

шему явлению жизни, вы полагаете, что нашли общий закон, служащий основанием явления, вы полагаете, что нашли идеал, к которому стремится человечество, и критериум его деятельности, - вам отвечают, что есть ку-ча, которая растет с каждым веком, и что это известно до избыточности. Хорошо ли, что она растет? зачем она растет? - на эти вопросы вам не отвечают и удивляются еще, что вы хлопчете о разрешении таких вопросов.

В другом месте, перефразируя наши слова, г. Марков говорит: "Каждое поколение мешает развиваться новому; чем дальше, тем больше противодействий, тем хуже. Странный, подумаешь, прогресс! Если бы, не доверяя истории, мы были обязаны верить яснополян-ской теории, пришлось бы, пожалуй, поверить, что мир все хилел да хилел от тысяче-летних противод 1000 ействий и что смерть его теперь не за горами, а за плечами" (стр. 152, *ibid.*).

"Хорош прогресс!" Нет, очень дурен, - я только про это и говорил. Я не держусь религии прогресса, а кроме веры, ничто не доказывает необходимости прогресса. "Неужели

мир все хилел да хилел?" Я только это и старался доказывать, с тою только разницею, что хилеет не все человечество, а та часть его, которая подлежит деятельности того образования, которое защищает г. Марков.

Но вот где является в полном блеске историческое воззрение г. Маркова.

"Ясную Поляну смущает то обстоятельство, что в различные времена люди учат различному и различно. Схоластики одному, Лютер другому, Руссо по-своему, Песталоцци опять по-своему. Она видит в этом невозможность установить критериум педагогики, и на этом основании отвергает педагогику. А мне кажется, она сама указала на этот необходимый критериум, приводя упомянутые примеры. Критериум в том, чтоб учить соображаясь с потребностями времени. Он прост и в совершенном согласии с историей и логикой. Лютер оттого только и мог быть учителем целого столетия, что сам был созданием своего века, думал его мыслию и действовал по его вкусу. Иначе его огромное влияние было бы или невозможно, или сверхъестественно; не походи он на своих современников, он бы ис-

через бесплодно, как непонятное, никому не нужное явление, пришлец среди народа, которого даже языка он не понимает. То же и с Руссо и всяким другим. Руссо формулировал в своих теориях накипевшую ненависть своего века к формализму и искусственности, его жажду простых, сердечных отношений. Это была неизбежная реакция против версальского склада жизни; и если бы только один Руссо чувствовал ее - не явился бы век романтизма, не явились бы универсальные замыслы переродить человечество, декларации прав, Карлы Моры и все подобное. Упрекать Лютера и Руссо за то, что они, вооружась против исторических уз, навязывали людям свои теории, значит, упрекать целый век в незаконности его настроения. Целому веку теорий не навяжешь.

Но от его теории вряд ли зато отделаешься. Мне непонятно, чего бы хотел граф Толстой от педагогики. Он все о крайней цели, о незыблемом критериуме хлопочет. Нет этих, так, по его мнению, не нужно никаких. Отчего же не вспомнит он о жизни отдельного человека, о своей собственной? Ведь он, конеч-

но, не знает крайней цели своего существования, не знает общего философского критерия для деятельности всех периодов своей жизни. А ведь живет же он и действует; и оттого только живет и действует, что в детстве имел одну цель и один Критериум, в молодости другие, теперь опять новые и так далее. Был он, верно, и шалуном-мальчиком, - у тех известно какой критериум, и религиозным юношей, и либералом-поэтом, и практическим деятелем жизни; каждое такое естественное настроение духа заставляло его иначе глядеть на мир, иного ждать и иным руководствоваться. В этих постоянных сменах взглядов и состоит богатство развития человечества, его философская и житейская опытность. В чем граф Толстой видит упрек человечеству и педагогии, их противоречие самим себе, в том я вижу необходимость, естественность и даже достоинство" (стр. 159 - 160, *ibid.*).

Как много, кажется, сказано, как умно, как много сведений, какой спокойно-исторический взгляд на все! Сам стоишь на каком-то воображаемом возвышении, а под тобою дей-

ствуют и Руссо, и Шиллеры, и Лютер, и французские революции; с исторической высоты одобряешь или не одобряешь их исторические поступки и раскладываешь по историческим рамкам. Мало того, и каждая личность человеческая тоже там где-то копошится, подчиненная неизменным историческим законам, которые мы знаем, но конечной цели ни у кого нет и быть не может, есть одно историческое воззрение! Но ведь мы совсем не о том спрашиваем, мы пытаемся найти тот общий умственный закон, которым руководилась деятельность человека в образовании и который поэтому мог бы служить критерием правильности человеческой деятельности в образовании. Историческое же воззрение на все наши попытки отвечает только тем, что Руссо и Лютер были произведениями своего времени. Мы ищем то вечное начало, которое выразилось в них, а нам говорят о той форме, в которой оно выразилось, и распределяют их по классам и отрядам. Нам говорят, что критерий только в том, чтоб учить соответственно потребностям времени, и говорят, что это очень просто. Учить соответственно догматам

христианской или магометанской религии - я понимаю, но учить сообразно потребностям времени - я решительно не понимаю ни одного слова из этой фразы. Какие это потребности? Кто их определит? Где они выразятся? Очень, может быть, забавно рассуждать вкривь и вкось о тех исторических условиях, которые заставили Руссо выразиться именно в той форме, в какой он выразился, но найти те исторические условия, в которые имеет выразиться будущий Руссо, невозможно.

Мне понятно, почему Руссо с озлоблением писал против искусственности жизни, во решительно непонятно, почему явился Руссо и почему он открыл великие истины. Мне дела нет до Руссо и его обстановки, меня занимают только те мысли, которые он высказал, и поверять и понять его мысль я могу только мыслью, а не рассуждениями о его месте в истории.

Выразить и определить этот критерий в педагогике было моей задачей. Историческое же воззрение, не идя за мною по этому пути, отвечает, что и Руссо и Лютер были на своем месте (как будто они могли быть не на своем

месте), и что бывают различные школы (как будто мы этого не знаем), и что каждая приносит зерно в эту таинственную историческую кучу. Историческое воззрение может породить много занимательных разговоров, когда делать нечего, объяснить то, что всем известно; но сказать слово, на котором бы могла строиться действительность, оно не в состоянии. Ежели оно и проговорится, то скажет только фразу, вроде того, что надо учить соответственно с потребностями времени. Скажите же нам, - какие эти потребности в Сызрани, в Женеве, на Сыр-Дарье? Где можно найти выражение этих потребностей и потребности времени - какого времени? Уж ежели речь пошла об историческом, то в настоящем есть только момент исторический. Один принимает требования 25 годов за требования настоящего; другой знает требования августа 1862 года, третий считает настоящими требованиями требования средневековые. Повторяю, ежели умышленно написана фраза: учить соответственно с требованиями времени, для нас ни в одном слове не имеющая смысла, мы просим - укажите нам эти требования; мы от

всей души, искренно говорим, что мы желали бы знать эти требования и не знаем их.

Мы могли бы привести еще много образцов исторического воззрения г. Маркова ссылками на Trivium и Quadrivium Кассиодора, и Фомы Аквинского, и Шекспира, и Гамлета, и тому подобными интересными и приятными разговорами. Но все эти места также не отвечают на наши запросы, и потому мы ограничимся разъяснением причин несостоятельности исторического взгляда относительно философских вопросов.

Причина эта заключается в следующем: люди с историческим воззрением предположили, что отвлеченная мысль, которую они любят в ругательном смысле называть метафизикой, бесплодна, как скоро она противоположна историческим условиям, т. е., говоря проще, царствующим убеждениям; что мысль эта даже бесполезна, так как открыт общий закон, по которому человечество движется вперед и без участия мысли, противоположной царствующим убеждениям. Мнимый этот закон человечества называется прогресс. Вся причина не только разногласия нашего с т.

Марковым, но и совершенного пренебрежения к нашим доводам и неотвечания на них заключается в том, что г. Марков верит в прогресс, а я не имею этого верования.

Что же это такое понятие прогресса и вера в него? Основная мысль прогресса и выражение его будет следующее: "Человечество постоянно видоизменяется, переживает прошедшее, удерживая от него начатые труды и воспоминания". В переносном смысле это видоизменение человеческих отношений мы называем движением, и видоизменение прошедшего мы называем назад, будущее видоизменение называем вперед. Вообще, в переносном смысле, говорим, что 1000 человечество движется вперед. Хотя и выраженное не ясно, в переносном смысле, это положение несомненно. Но за этим несомненным положением верующие в прогресс и историческое развитие делают другое недоказанное положение, что будто человечество в прежнее время пользовалось меньшим благосостоянием, и чем далее назад, тем менее, и чем более вперед, тем более. Из этого выводят, что для плодотворной деятельности необходимо дей-

ствовать только сообразно с историческими условиями; и что, по закону прогресса, всякое историческое, действие поведет к увеличению общего благосостояния, т. е. будет хорошо, что все попытки остановить или противоречить даже движению истории - бесполезны. Вывод этот незаконен потому, что второе положение о постоянном улучшении человечества на пути прогресса ничем не доказано и несправедливо.

Во всем человечестве с незапамятных времен происходит процесс прогресса, говорит историк, верующий в прогресс, и доказывает это положение, сравнивая, положим, Англию 1685 года с Англиею нашего времени. Но ежели бы даже и можно было доказать, сравнивая Россию, Францию и Италию нашего времени с древним Римом, Грециею, Карфагеном и т. д., что благосостояние новых народов более благосостояния древних, - меня при этом всегда поражает одно непонятное явление: выводят общий закон для всего человечества из сравнения одной малой части человечества, Европы, в прошедшем и настоящем. Прогресс есть общий закон для человечества,

говорят они, только кроме Азии, Африки, Америки, Австралии, кроме миллиарда людей. Нами замечен закон прогресса в герцогстве Гогенцоллерн-Сигмарингенском, имеющем 3 тысячи жителей. Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающих всю нашу теорию прогресса, и мы ни минуты не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идем внушать китайцам идею прогресса. Здравый же смысл говорит мзде, что ежели большая часть человечества, весь так называемый Восток, не подтверждает закона прогресса, а, напротив, опровергает его, то закона этого не существует для всего человечества, и существует только верование в него известной части человечества. Я, как и все люди, свободные от суеверия прогресса, вижу только, что человечество живет, что воспоминания прошедшего так же увеличиваются, как и исчезают; что труды прошедшего часто служат основой для новых трудов настоящего, часто служат преградой для них; что благосостояние людей то

увеличивается в одном месте, в одном слое и в одном смысле, то уменьшается; что как бы мне ни желательно было, я не могу найти никакого общего закона в жизни человечества; а что подвести историю под идею прогресса точно так же легко, как подвести ее под идею регресса или под какую хотите историческую фантазию. Скажу более: я не вижу никакой необходимости отыскивать общие законы в истории, не говоря уже о невозможности этого. Общий вечный закон написан в душе каждого человека. Закон прогресса, или совершенствования, написан в душе каждого человека и, только вследствие заблуждения, переносится в историю. Оставаясь личным, этот закон плодотворен и доступен каждому; перенесенный в историю, он делается праздною, пустой болтовней, ведущей к оправданию каждой бессмыслицы и фатализма. Прогресс вообще, во всем человечестве, есть факт недоказанный и несуществующий для всех восточных народов, и потому сказать, что прогресс есть закон человечества, столь же неосновательно, что сказать, что все люди бывают белокурые за исключением черново-

ЛОСЫХ.

Но, может быть, мы все еще не так определили прогресс, как его понимают многие. Мы пытаемся дать ему самое общее и разумное определение. Может быть, прогресс есть закон, открытый только европейскими народами, но столь разумный, что ему должно подлежать все человечество. В этом смысле прогресс есть путь, по которому идет известная часть человечества и который признает эта часть человечества ведущим ее к благосостоянию. В таком смысле понимает Бокль прогресс цивилизации европейских народов, включая в это общее понятие прогресса - прогресс социальный, экономический, наук, искусств, ремесл и в особенности изобретения пороха, книгопечатания и путей сообщения. Такое определение прогресса ясно и понятно; но невольно представляются вопросы: 1-й, - кто решил, что этот прогресс уведет к благосостоянию? Для того чтобы поверить этому, мне нужно, чтобы не исключительные лица, принадлежащие к исключительному классу: историки, мыслители и журналисты - признали это, но чтобы вся масса народа, под-

лежащая действию прогресса, признала, что прогресс ведет ее к благосостоянию. Мы же видим постоянно противоречащее этому явление. 2-й вопрос состоит в следующем: что признать благосостоянием: улучшение ли путей сообщения, распространении книгопечатания, освещение улиц газом, расположение домов призрения бедных, бордели и т. п. или первобытное богатство природы - леса, дичь, рыбу, сильное физическое развитие, чистоту нравов и т. п.? Человечество живет одновременно столь многоразличными сторонами своего бытия, что определить степень его благосостояния в известную эпоху и определить ее человеку - невозможно. Один человек видит только прогресс искусства, другой - прогресс добродетели, третий - прогресс материальных удобств, четвертый - прогресс физической силы, пятый - прогресс социального устройства, шестой - прогресс науки, седьмой - прогресс любви, равенства и свободы, осьмой - прогресс газового освещения и машинного шитья. И человек, который бесстрастно будет относиться ко всем сторонам жизни человечества, всегда найдет, что про-

гресс одной стороны всегда выкупается регрессом другой стороны человеческой жизни. Самые добросовестные политические деятели, веровавшие в прогресс равенства и свободы, разве не убедились и не убеждаются каждый день, что в древней Греции и Риме было более свободы и равенства, чем в новой Англии с китайской и индийской войнами, в новой Франции с двумя Бонапартами и в самой новой Америке с ожесточенной войной за право рабства? Самые добросовестные, верующие в прогресс искусства, разве не убедились, что пет в наше время Фидиасов, Рафаэлей и Гомеров? Самые проворные экономические прогрессисты разве не убедились, что необходимо запрещать рабочему народу рожать детей, для того чтобы можно было прокормить существующее население? Итак, отвечая на два поставленные мною вопроса, я говорю, что, во 1-х, признать прогресс ведущим к благосостоянию можно только тогда, когда весь народ, подлежащий действию прогресса, будет признавать это действие хорошим и полезным, тогда как теперь в 9/10 населения, в так называемом простом, в рабо-

чем народе, мы постоянно видим противное; и во 2-х, тогда, когда будет доказано, что прогресс ведет к совершенствованию всех сторон человеческой жизни или что взятые вместе последствия его влияния преобладают добрыми и полезными над дурными и вредными. Народ, т. е. масса народа, 9/10 всех людей, постоянно враждебно относятся к прогрессу и постоянно не только не признают его пользы, но положительно и сознательно признают его вред для них. Выводам же историков, подобных Маколею (того самого, которого, в доказательство силы английского воспитания, приводит г. Марков), полагающих, что они взвесили все стороны человеческой жизни и, на основании этого взвешивания, решили, что прогресс принес больше добра, чем зла, мы не можем верить, потому что выводы эти ни на чем не основаны. Выводы эти для всякого добросовестного и бесстрастного судьи, несмотря на противоположную цель писателя, очевидно доказывают, что прогресс принес больше зла, чем пользы народу; народу, т. е. большей части людей, не говоря о государстве. Я прошу серьезного читателя прочесть

всю 3-ю главу 1-й части истории Маколея. Вывод сделан смело и решительно, но на чем он основан - решительно непонятно для здорового человека, не отуманенного верой в прогресс. Значительные факты только следующие: 1) Народонаселение увеличилось, - увеличилось так, что необходима теория Мальтуса. 2) Войска не было, - теперь оно стало огромно; с флотом то же самое. 3) Число мелких землевладельцев уменьшилось. 4) Города стянули к себе большую часть народонаселения. 5) Земля обнажилася 1000 ь от лесов. 6) Заработная плата стала наполовину больше, цены же на все увеличились, и удобств к жизни стало меньше. 7) Подать на бедных удесятилась. Газет стало больше, освещение улиц лучше, детей и жен меньше бьют, и английские дамы стали писать без орфографических ошибок. Я прошу читателя прочесть эту третью главу с добросовестным вниманием и вспомнить те простые факты, что раз увеличенное войско никогда уж не может быть уменьшено; что раз уничтоженные вековые леса никогда уже не могут быть возобновлены; что раз развращенное население удоб-

ствами комфорта никогда уже не может быть возвращено к первобытной простоте и умеренности. Я прошу читателя, не имеющего веры и прогресс или отрешившегося на время от этой веры, прочесть все, что сказано в доказательство благости прогресса, и спросить себя, но отрешившись совершенно от веры: есть ли доказательства на то, что прогресс принес больше пользы, чем вреда людям? Непредубежденному человеку нельзя доказать это; для предубежденного же человека можно всякий парадокс, как и парадокс прогресса, одеть историческими фактами.

Что за странное и непонятное явление! Общего закона движения вперед человечества нет, как то нам доказывают неподвижные восточные народы. Доказать, что европейские народы постоянно движутся к улучшению благосостояния, - невозможно, и никто никогда еще не доказал этого; и, наконец, самое замечательное - 9/10 того же самого европейского народа, будто бы находящегося в процессе прогресса, сознательно ненавидят прогресс и всеми средствами стараются противодействовать ему, а мы признаем прогресс цивилиза-

ции несомненным благом. Как ни непонятно кажется это явление, но оно разъяснится для нас, ежели мы без предубеждения рассмотрим его.

Только одна небольшая часть общества верит в прогресс, проповедует его и старается доказать его благодать. Другая, большая часть общества, противодействует прогрессу и не верит в благодать его. Из этого я заключаю, что для малой части общества прогресс есть благо; для большей же части он есть зло. Я заключаю так потому, что все люди сознательно иди бессознательно стремятся к благу, или удаляются от зла. Сделавши этот вывод, я поверяю его, подводя под него факты. Кто та малая часть, верующая в прогресс? Это так называемое образованное общество, незанятые классы, по выражению Бокля. Кто та большая часть, не верующая в прогресс? Это так называемый народ, занятые классы. Интересы общества и народа всегда бывают противоположны. Чем выгоднее одному, тем невыгоднее другому. В деле прогресса мое положение подтверждается, и я заключаю, что прогресс тем выгоднее для общества, чем невыгоднее

для народа. В подтверждение моей мысли невольно приходит сравнение верующих в прогресс с верующими католиками. Духовенство веровало искренно и в особенности искренно потому, что вера эта ему была выгодна; по тому же самому оно всеми средствами внушало эту веру народу, который меньше верил в нее, потому что она была невыгодна. То же самое происходит с верующими в прогресс.

Верующие в прогресс искренно веруют потому, что вера их выгодна для них, и потому-то с озлоблением и ожесточением проповедуют свою веру. Я невольно вспоминаю Китайскую войну, в которой три великие державы совершенно искренно и наивно вводили веру прогресса в Китай посредством пороха и ядер.

Но не ошибаюсь ли я? Посмотрим, в чем может быть выгода общества и невыгода народа в прогрессе. Здесь, говоря о фактах, я чувствую необходимость оставить в покое Европу и говорить о России, которая мне близко известна. Кто у нас верующий, кто у нас неверующий? Верующие в прогресс суть: прави-

тельство, образованное дворянство, образованное купечество и чиновничество - классы незанятые, по выражению Бокля. Не верующие в прогресс и враги его: мастеровые, фабричные, крестьяне-земледельцы и промышленники, люди, занятые прямой физической работой, - классы занятые. Вдумываясь в это различие, находим, что чем больше работает человек, тем более он консерватор, чем менее работает, тем более он прогрессист. Нет более прогрессистов 1000, как откупщики, писатели, дворяне, студенты, без мест чиновники и фабричные. Нет менее прогрессистов мужика-земледельца, чиновника-писца на месте, фабричного, имеющего работу.

Рассмотрим самые обыкновенные и прославленные явления прогресса в отношении их выгоды и невыгоды для общества и народа - именно, столь прославленные: книгопечатание, пар, электричество.

"Человек овладевает силами природы, мысль с быстротою молнии перелетает с одного края вселенной на другой. Время побеждено". Все это прекрасно, чувствительно; но посмотрим, для кого это выгодно? Мы гово-

рим о прогрессе электрических телеграфов. Очевидно, что выгода и приложение телеграфа только для высшего, так называемого образованного, класса. Народ же, 9/10, только слышит гудение проволок и только стеснен несправедливо строгим законом о повреждении телеграфов.

Все мысли, пролетающие над народом по этим проволокам, суть только мысли о том — как бы наилучшим образом эксплуатировать народ. По проволокам пролетает мысль о том, как возвысилось требование на такой-то предмет торговли и как потому нужно возвысить цену на этот предмет; или мысль о том, что так как вооружение Франции увеличилось, то призвать как можно скорее к службе еще столько-то граждан; или мысль о том, что народ становится недоволен своим положением в таком-то месте и что необходимо послать для усмирения его столько-то солдат; или мысль о том, что я, русская помещица, проживающая во Флоренции, слава богу укрепились нервами, обнимаю моего обожаемого супруга и прошу прислать мне в наискорейшем времени 40 т. франков. Не делая подроб-

ной статистики телеграфических депеш, можно быть твердо уверенным, что все депеши принадлежат только тем родам корреспонденции, образцы которых я выставил здесь. Яснополянский мужик Тульской губернии или какой бы то ни было русский мужик (не надо забывать, что эти мужики составляют всю массу народа, благосостояние которого думает делать прогресс) никогда не послал и не получил и долго еще не пошлет и не получит ни одной депеши. Все депеши, которые пролетают над его головой, не могут ни на одну песчинку прибавить его благосостояния, потому что все, что ему нужно, он имеет из своего поля, из своего леса и он одинаково равнодушен к дешевизне или дороговизне сахара или хлопчатой бумаги, и к низвержению короля Оттона; и к речи, произнесенной Пальмерстоном и Наполеоном III, и к чувствам барыни, пишущей из Флоренции. Все эти мысли, с быстротою молнии облетающие вселенную, не увеличивают производительность его пашни, не ослабляют караул в помещичьих и казенных лесах, не прибавляют силы в работах ему и его семейству, не дают

ему лишнего работника. Все эти великие мысли только могут нарушить его благосостояние, а не упрочить или улучшить, и могут только в отрицательном смысле быть занимательными для него. Для правоверных же прогресса телеграфические нити принесли и приносят огромные выгоды. Я не спорю о выгодах, я стараюсь только доказать, что не надобно думать и убеждать других, что то, что выгодно для меня, есть величайшее благо и для всего мира. Надобно, во-первых, доказать это или, по крайней мере, подождать, чтобы все люди признали благом то, что для нас выгодно. В так называемом же порабощении пространства и времени посредством электричества мы этого никак не видим. Мы видим, напротив, что поборники прогресса в этом отношении рассуждают совершенно так же, как старые помещики, уверяющие, что для крестьян, для государства и для всего человечества нет ничего выгоднее крепостного права и барщинной работы; разница только в том, что вера помещиков старая - разоблаченная, а вера прогрессистов еще свежая и царствующая.

Книгопечатание - другая любимая, избитая тема прогрессистов. Распространение его и вследствие того грамотности всегда безусловно считается несомненным благом для всего народа. Почему это так? Книгопечатание, грамотность и то, что мы называем образованием, суть коренные суеверия религии прогресса, и потому, в этом деле, я прошу читателя в особенности искренно отречься от всякой веры и сове 1000 ршенно искренно спросить себя: почему это так и почему то образование, которое мы, меньшинство, для себя считаем благом, и вследствие того то книгопечатание и ту грамотность, которую бы мы желали распространить, - почему это книгопечатание, эта грамотность и это образование будут благом для большинства, для народа? Мы говорили уже в некоторых статьях "Ясной Поляны" о том, почему то образование, которым мы владеем, по сущности своей не может быть благом для народа. Мы будем говорить теперь исключительно о книгопечатании. Для меня очевидно, что расположение журналов и книг, безостановочный и громадный прогресс книгопечатания, был выгоден для писателей,

редакторов, издателей, корректоров и наборщиков. Огромные суммы народа косвенными путями перешли в руки этих людей. Книгопечатание так выгодно для этих людей, что для увеличения числа читателей придумываются всевозможные средства: стихи, повести, скандалы, обличения, сплетни, полемики, подарки, премии, общества грамотности, распространение книг и школы для увеличения числа грамотных. Ни один труд не окупается так легко, как литературный. Никакие проценты так не велики, как литературные. Число литературных работников увеличивается с каждым днем. Мелочность и ничтожество литературы увеличивается соразмерно увеличению ее органов. Но ежели число книг и журналов увеличивается, ежели литература так хорошо окупается, то, стало быть, она необходима, скажут мне наивные люди. Стало быть, откупа необходимы, что они хорошо окупались? отвечу я. Успех литературы указывал бы на удовлетворение потребности народа только тогда, когда бы весь народ сочувствовал ей; но этого нет, так же как и не было при откупах. Литература, так же как и откупа,

есть только искусная эксплуатация, выгодная только для ее участников и невыгодная для народа. Есть "Современник", есть "Современное слово", есть "Современная летопись", есть "Русское слово", "Русский мир", "Русский вестник", есть "Время", есть "Наше время", есть "Журнал для детей", есть "Детски" журнал", есть "Журнал для юношества" и есть "Юношеский журнал", есть "Орел", "Звездочка", "Гирлянда", есть "Грамотей", "Народное чтение" и "Чтение для народа", - есть известные слова в известных сочетаниях и перемещениях, как заглавия журналов и газет, и все эти журналы твердо верят, что они проводят какие-то мысли и направления. Есть сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина, Филарета. И все эти журналы и сочинения, несмотря на давность существования, не известны, не нужны для народа и не приносят ему никакой выгоды. Я говорил уже об опытах, сделанных мною для привития нашей общественной литературы народу. Я убедился, в чем может убедиться каждый, что для того, чтобы человеку из русского народа полюбить чтение "Бориса Годунова" Пушкина или историю

Соловьева, надобно этому человеку перестать быть тем, чем он есть, т. е. человеком независимым, удовлетворяющим всем своим человеческим потребностям. Наша литература не прививается и не привьется народу, - надеюсь, люди, знающие народ и литературу, не усомнятся в этом. Какое же благо получает народ от литературы? Библей и святцев до сих пор народ не имеет дешевых. Другие же книги, которые западают к нему, только обличают в его глазах глупость и ничтожество их составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды от книгопечатания, - вот уже сколько времени прошло, - мы не видим ни малейшей для народа. Ни пахать, ни делать квас, ни плесть лапти, ни рубить срубы, ни петь песни, ни даже молиться - не учится и не научился народ из книг. Всякий добросовестный судья, не одержимый верою прогресса, признается, что выгод книгопечатания для народа не было. Невыгоды же его ощутительны для многих. Г. Даль, добросовестный наблюдатель, обнаружил свои наблюдения над влиянием грамотности на народ. Он объявил, что грамотность развращает людей из

народа. На наблюдателя посыпались неистовые крики и ругательства всех верующих в прогресс; решили, что грамотность была вредна, когда она была исключением, и что вред ее уничтожится, когда она сделается общим правилом. Это предположение, может быть, остроумное, но только предположение. Ф 1000 акт же остается фактом, который подтверждает мои собственные наблюдения и который подтвердят все люди, имеющие прямые сношения с народом, как-то: купцы, мещане, становые, попы и сами крестьяне. Но скажут, может быть, признавая моя доводы справедливыми, что прогресс книгопечатания, не принося прямой выгоды народу, содействует его благосостоянию тем, что смягчает нравы общества; что разрешение крепостного вопроса, например, есть только произведение прогресса книгопечатания. На это я отвечу, что смягчение нравов общества еще нужно доказать, что я лично его не вижу и не считаю нужным верить на слово. Я не нахожу, например, чтобы отношения фабриканта к работнику были человечнее отношений помещика к крепостному. Но это мое личное

воззрение, не могущее служить доказательством. Главное же, что я имею сказать против такого аргумента, есть то, что, взяв пример хотя освобождение от крепостного права, я не вижу, чтобы книгопечатание содействовало его прогрессивному разрешению. Ежели бы правительство в этом деле не сказало своего решительного слова, то книгопечатание, без сомнения, разъяснило бы дело совершенно иначе. Мы видели, что большая часть органов требовала бы освобождения без земли и приводила бы доводы, столь же кажущиеся разумными, остроумными, саркастическими. Я желал бы спросить: почему процесс об освобождении крестьян остановился на Положении 19 февраля, которое еще не решено - улучшило или ухудшило быт крестьян, лишив их прав пастбищ, выездов в леса и наложив на них новые обязанности, к исполнению которых они оказываются несостоятельными. Я желал бы спросить: почему процесс книгопечатания остановился на Положении 19 февраля. Всем известно, что равномерное разделение земли между гражданами есть несомненное благо. Почему же никто, кроме

людей, признаваемых за сумасшедших, не говорит в печати о таком разделении земель? Тут, в сущности, ничего нет сумасшедшего, и прямое дело прогресса книгопечатания было бы разъяснять необходимость и выгоды такого разделения, а вместе с тем ни в России, ни в Англии, ни во всей Европе никто не печатает об этом. Причина такого явления для меня совершенно очевидна. Прогресс книгопечатания, как и прогресс электрических телеграфов, есть монополия известного класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые под словом прогресс понимают свою личную выгоду, вследствие того всегда противоречащую выгоде народа. Мне приятно читать журналы от праздности, я даже интересуюсь Оттоном, королем греческим. Мне приятно написать или издать статейку и получить за нее деньги и известность. Мне приятно получить по телеграфу известие о здоровье моей сестрицы и знать верно, какой цены я должен ожидать за свою пшеницу. Как в том, так и в другом случае нет ничего предосудительного в удовольствиях, которые я при этом испытываю, и в желаниях, которые я

имею, чтобы удобства к такого рода удовольствиям увеличивались; по совершенно несправедливо будет думать, что мои удовольствия совпадают с увеличением благосостояния всего человечества. Думать это также несправедливо, как думать то, что думал откупщик или помещик, что, получая без труда большие доходы, он осчастлививает человечество тем, что поощряет искусство и своею роскошью дает многим работу. Прошу читателя заметить, что Гомер, Сократ, Аристотель, немецкие сказки и песни, русский эпос и, наконец, Библия и Евангелие не нуждались в книгопечатании для того, чтобы остаться вечными.

Пар, железные дороги и столь восхваленные пароходы, паровозы и машины. Рассуждая об этом, самом близком для нас деле, я опять предуведомляю читателя, что надо как можно искреннее отрешиться от верований и от политико-экономических парадоксов, принимаемых за истину, надо рассматривать только существующие, перед нами совершающиеся факты. Мы хотим решить вопрос: действует ли развитие приложения пара к пе-

редвижению и к фабричному производству увеличению благосостояния народа. Мы не будем говорить о том, что может быть впоследствии, о результатах, которые выходят из такого приложения по противоположным одна другой теориям политической экономии, а мы будем 1000 рассматривать просто те выгоды, которые принес и приносит пар массе народа. Я вижу близкого и хорошо известного мне тульского мужика, который не нуждается в быстрых переездах из Тулы в Москву, на Рейн, в Париж и обратно. Возможность таких переездов не прибавляет для него несколько благосостояния. Всем потребностям своим он удовлетворяет собственным трудом, и, начиная от пищи и до одежды, все производится им самим: деньги для него не составляют богатства. Это до такой степени справедливо, что, когда у него есть деньги, он зарывает их в землю и не находит нужным делать из них никакого употребления. Поэтому, если железные дороги делают для него более доступными предметы мануфактур и торговли, он остается совершенно равнодушным к этой большей доступности. Ему не нужны ни трико, ни

атласы, ни часы, ни французское вино, ни сардинки. Все, что ему нужно и что в его глазах составляет богатство и улучшение благосостояния, приобретается его трудом на его земле. Маколей говорит, что лучшим мериллом благосостояния рабочего народа есть степень заработной платы. Неужели мы, русские, до такой степени не хотим знать и не знаем положения своего народа, что повторим такое бессмысленное и ложное для нас положение? Неужели не очевидно для каждого русского, что заработная плата для русского простолюдина есть случайность, роскошь, на которой ничего нельзя основывать? Весь народ, каждый русский человек без исключения, назовет несомненно богатым степного мужика с старыми одоньями хлеба на гумне, никогда не выдавшего в глаза заработной платы, и назовет несомненно бедным подмосковного мужика в ситцевой рубашке, получающего постоянно высокую заработную плату. Не только невозможно в России определять богатство степенью заработной платы, - но смело можно сказать, что в России появление заработной платы есть признак уменьшения

богатства и благосостояния. Это правило мы, русские, изучающие свой народ, можем проверить по всей России и потому, не рассуждая о богатстве всей Европы, можем и должны сказать, что для России, т. е. для большей массы русского народа, высота заработной платы не только не служит мерилom благосостояния, но одно появление заработной платы показывает упадок народного богатства. Очевидно, что нам нужно искать других оснований, чем те, которые существуют в Европе; а между тем европейская политическая экономия хочет предписывать нам свои законы. Для большей части русского населения деньги не составляют богатства, и удешевление предметов мануфактурной промышленности не увеличивает благосостояния. Вследствие этого железные дороги не приносят большей массе населения никакой выгоды (прошу заметить, что я говорю о выгоде по понятиям самого народа, а не о тех выгодах, которые насильно хочет навязать прогресс цивилизации).

По понятиям русского народа, увеличение благосостояния состоит в равномерном разделе-

лении земель, в увеличении сил почвы, в увеличении скотоводства, в увеличении количества хлеба и, вследствие того, в удешевлении его (прошу заметить, что ни один крестьянин не жалуется на дешевизну хлеба; только европейские политико-экономы утешают его тем, что хлеб будет дороже и потому ему легче будет покупать предметы мануфактуры, — он этого не желает), в увеличении рабочих сил (никогда мужик не жалуется на то, что у него в село слишком много народа), в увеличении лесов и пастбищ, в отсутствии городских соблазнов. Какие же из этих благ приносят крестьянину железные дороги? Они увеличивают соблазны, они уничтожают леса, они отнимают работников, они поднимают цены хлеба, они уничтожают коннозаводство. Может быть, я ошибся, говоря о причинах, по которым дух народа всегда недоброжелательно относится к нововведениям железных дорог. Может быть, я упустил некоторые причины, но несомненный факт всегданего противодействия народного духа к введению железных дорог существует во всей своей силе. Народ примиряется с ними толь-

ко в той мере, в которой, испытал соблазн железных дорог, он сам делается участником этой эксплуатации. Настоящий народ, т. е. народ, прямо, непосредственно работающий и живущий плодотворно, народ преимущественно 1000 земледелец, 9/10 всего народа, без которых бы немислим был никакой прогресс, всегда враждебно относится к ним. Итак, верующие в прогресс, малая часть общества, говорят, что железные дороги есть увеличение благосостояния народа, большая часть общества говорит, что это есть уменьшение его.

Такое противодействие прогрессу со стороны народа мы могли бы проверить и объяснить в каждом проявлении прогресса; но мы ограничимся приведенными примерами и постараемся ответить на естественно представляющийся вопрос: нужно ли верить этому противодействию народа? Вы говорите, скажут нам, что недовольны железными дорогами мужики-земледельцы, проводящие жизнь на полатах в курной избе или за сохою, сами ковыряющие себе лапти и ткущие себе рубахи, никогда не читавшие ни одной

книги, раз в две недели снимающие вшивую рубаху, по солнышку и по петухам узнающие время и не имеющие других потребностей, как лошадиная работа, спанье, еда и пьянство. "Это не люди, а животные, - скажут и подумают прогрессисты. - И потому мы считаем себя вправе не обращать внимания на их мнение и делать для них то самое, что мы нашли хорошим для себя". Такое мнение, ежели и не высказанное, всегда лежит в основании рассуждений прогрессистов; но я полагаю, что эти люди, называемые дикими, и целые поколения этих диких суть точно такие же люди и точно такое же человечество, как Пальмерстоны, Оттоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколения работников носят в себе точно те же человеческие свойства, и в особенности свойства искать, где лучше, как рыба, где глубже, - как и поколения лордов, баронов, профессоров, банкиров и т. д. В этой мысли подтверждает и мое личное, без сомнения малозначащее убеждение, состоящее в том, что в поколениях работников лежит и больше силы, и больше сознания правды и добра, чем в поколениях баронов, банкиров и про-

Фессоров, и, главное, подтверждает меня в этой мысли то простое наблюдение, что работник точно так же саркастически и умно обсуживает барина и смеется над ним за то, что он не знает - что соха, что сволока, что гречиха, что крупа; когда сеять овес, когда гречу; как узнать, какой след; как узнать, тельна ли корова или нет? и за то, что барин живет всю жизнь, ничего не делая, и т. п. Точно так же, как обсуживает барин работника и подтрунивает над ним за то, что тот говорит тебе и сабе, фитанец, плант и т. п., и за то, что он в праздник напивается, как животное, и не знает, как рассказать дорогу. То же наблюдение поражает меня, когда два человека, разойдясь между собою, совершенно искренно называют друг друга дураками и подлецами. Еще более поражает меня это наблюдение в столкновениях восточных народов с европейскими. Индийцы считают англичан варварами и злодеями; англичане - индийцев; японцы европейцев; европейцы - японцев; даже самые прогрессивные народы - французы, считают немцев тупоголовыми; немцы считают французов безмозглыми. Из всех этих на-

блюдений я вывожу то умозаключение, что ежели прогрессисты считают народ не имеющим права обсуждать своего благосостояния, а народ считает прогрессистов людьми, озабоченными корыстными, личными видами, то из этих противоположных воззрений нельзя вывести справедливости ни той, ни другой стороны. И потому я должен склониться на сторону народа, на том основании, что, 1-е, народа больше, чем общества, и что потому должно предположить, что большая доля правды на стороне народа; 2-е и главное - потому, что народ без общества прогрессистов мог бы жить и удовлетворять всем своим человеческим потребностям, как-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественные произведения. (Илиады, русские песни.) Прогрессисты же не могли бы существовать без народа.

Недавно мы прочли историю цивилизации Англии - Бокля. Книга эта имела великий успех в Европе (это очень естественно) и огромный успех в литературном и ученом круге в России - и это для меня непонятно. Бокль анализирует законы цивилизации, и

весьма занимательно; но весь интерес этот потерян для меня и, кажется, для всех нас, русских, не имеющих никаких оснований предполагать: ни то, что мы, русские, должны 1000 необходимо подлежать тому же закону движения цивилизации, которому подлежат и европейские народы; ни то, что движение вперед цивилизации есть благо. Для нас, русских, необходимо доказать прежде и то и другое. Мы лично, например, считаем движение вперед цивилизации одним из величайших насильственных зол, которому подлежит известная часть человечества, и самое движение это не считаем неизбежным. Автор, так сильно восстающий против бездоказательных положений, сам не доказывает нам, почему весь интерес истории для него заключается в прогрессе цивилизации. Для нас же интерес этот заключается в прогрессе общего благосостояния. Прогресс же благосостояния, по нашим убеждениям, не только не вытекает из прогресса цивилизации, но большей частью противоположен ей. Ежели есть люди, которые думают противное, то это должно быть доказано. Доказательств же этих мы не

находим ни в непосредственном наблюдении явлений жизни, ни на страницах историков, философов и публицистов. Мы видим, напротив, что эти люди и г. Марков, в своих доводах против нас, признают без всякого основания вопрос о тождестве общего благосостояния и цивилизации решенным.

Мы сделали отступление весьма длинное и, может быть, показавшееся не ведущим к делу, только для того, чтобы сказать, что мы не верим в прогресс, увеличивающий благосостояние человечества, не имеем никаких оснований верить в него и ищем и искали в своей 1-й статье другого мерила того, что хорошо и что дурно, как только признания всего, что есть прогресс - хорошим и всего, что не есть прогресс - дурным. Разъяснив этот главный скрытый пункт нашего разногласия с г. Марковым, мы полагаем, с большинством так называемой образованной публики, что ответы на пункты статьи "Русского вестника" нам станут легки и просты.

1) Статья "Русского вестника" признает право одного поколения вмешиваться в воспитание другого, на том основании, что это

естественно и что каждое поколение кидает свою горсть в кучу прогресса. Мы не признавали и не признаем этого права потому, что, не считая прогресс несомненным благом, ищем других оснований на такое право и полагаем, что нашли их. Если бы было доказано, что основания наши ложны, то мы все-таки не могли бы признать достаточным основанием веру в прогресс, так же как и веру в Магомета или Далай-ламу.

2) Статья Р. в. признает право высших классов вмешиваться в народное образование. Мы полагаем, что в предыдущих страницах достаточно разъяснено, почему вмешательство верующих в прогресс, в воспитание народа, несправедливо, но выгодно для высших классов, и почему их несправедливость кажется им правом, как казалось правом крепостное право.

3) Статья Р. в. думает, что школы не могут и не должны быть изъяты из-под исторических условий. Мы думаем, что эти слова не имеют смысла, во 1-х, потому, что изъять из-под исторических условий нельзя ничего, ни на деле, ни даже в мыслях. Во 2-х, потому, что

ежели открытие законов, на которых строилась и должна строиться школа, есть, по мнению Маркова, изъятие из-под исторических условий, то мы полагаем, что наша мысль, открывшая известные законы, действует тоже в исторических условиях, но что нужно опровергнуть или признать самую мысль путем мысли для того, чтобы разъяснить ее, а не отвечать на нее тою истиною, что мы живем в исторических условиях.

4) Статья Р. в. думает, что современные школы ближе отвечают потребностям времени, чем средневековые. Мы сожалеем, что подали повод г. Маркову доказывать нам противное, и охотно сознаем, что, доказывая противное, подчинились общей привычке подводить исторические факты под прежде принятую мысль. Г. Марков сделал то же самое, может быть удачнее или многословнее нашего. Мы не хотим разбирать этого, откровенно сознаваясь в своей ошибке. На этом поприще можно наговорить так много, не убедив никого!..

5) Статья "Русского вестника" считает наше воспитание не вредным, а полезным толь-

ко потому, что наше воспитание готовит людей для прогресса, в который он верит. Мы же не верим в прогресс и по-то-му продол-жаем считать воспитание наше вредным.

6) Статья "Русского вестника" думает, что полная свобода воспитания вредна и невозможна. Вредна потому, что нам нужны люди для прогресса, а не просто люди, и невозможна потому, что у нас есть готовые программы для воспитания людей прогресса, а нет программы для воспитания просто людей.

7) Автор думает, что устройство яснополян-ской школы противоречит убеждениям редактора. В этом, как в деле личном, мы согласны, тем более что автор сам знает, как сильно влияние исторических условий, и по-тому должен знать, что яснополянская школа под-лежит действию двух сил - убеждению, совершенно крайнему, по мнению автора, и историческим условиям, т. е. воспитанию учителей, средствам и т. д., и, несмотря на то, школа могла достигнуть только весьма малой степени свободы и, вследствие того, преимуществ перед другими школами. Что же бы было, если б убеждения эти не были крайни, как

они кажутся автору? Автор говорит, что успех школы зависит от любви. Но любовь не случайна. Любовь может быть только при свободе. Во всех школах, основанных с убеждениями Ясной Поляны, повторялось то же явление: учитель влюблялся в свою школу; а я знаю, что тот же учитель, со всевозможной идеализацией, не мог бы влюбиться в школу, где сидят по лавкам, ходят по звонкам и секут по субботам.

И 8) наконец, - автор не согласен с яснополянским определением образования. Вот где мы обязаны высказать недосказанное. Мне кажется, что было бы гораздо справедливее со стороны автора, ежели бы, не входя в дальнейшее рассмотрение, он потрудился опровергнуть наше определение. Но он этого не сделал, он и не взглянул на него, назвал его натяжкой и дал свое определение прогресс - и вследствие того учить сообразно потребностям времени. Все, что мы написали о прогрессе, написано только затем, чтобы вызвать людей на возражение. А то с нами не спорят, а говорят: зачем инстинкт, потребность равенства и весь этот набор слов, когда есть воз-

растающая куча?

Но мы не верим в прогресс и потому не можем удовольствоваться кучей. Ежели бы мы и верили, мы сказали бы: хорошо, цель есть учить сообразно потребностям времени, бросать в кучу; мы бы согласились, что мать учит ребенка, намеренно стараясь передать знание, как говорит г. Марков. Но зачем? спросил бы я и имел бы право ожидать ответа. Человек дышит. Но зачем? спрашиваю я. И мне не отвечают, что он дышит потому, что дышит, а отвечают - для того, чтобы приобрести нужный кислород и выбросить ненужные газы. И опять я спрашиваю: зачем кислород? И физиолог видит смысл такого вопроса и отвечает на него: затем, чтобы получать тепло. Зачем тепло? спрашиваю я. И тут он отвечают или пытается ответить, и ищет, и знает, что чем решение такого вопроса общее, тем богаче оно будет выводами. Мы же спрашиваем: зачем один учит другого? Кажется, нет более близкого вопроса для педагога. И мы отвечаем, может быть неправильно, бездоказательно, но вопрос и ответ категоричны. Г. Марков (я не нападаю на Маркова, - всякий

верующий в прогресс так же ответит) не только не отвечает на наш вопрос, но он не в состоянии видеть его. Для него нет этого вопроса, - это пустая натяжка, на которую, для забавы, он просит читателя обратить особенное внимание. А в этом вопросе и ответе лежит вся сущность того, что я говорил, писал и думал о педагогике. И г. Марков, и публика, согласная с г. Марковым, умные, образованные, привыкшие рассуждать люди, отчего вдруг такая непонятливость? Прогресс. Сказано слово прогресс, - и бессмыслица кажется ясным, и ясное кажется бессмыслицею. Благость прогресса я не признаю, пока мне не докажут ее, и потому, наблюдая явления образования, мне необходимо определение образования, и я вновь повторяю и разъясняю сказанное: образование есть деятельность человека, имеющая своим основанием потребность к равенству и неизменный закон движения вперед образования.

Как мы сказали уже, для изучения законов образования мы употребляем не метафизический метод, а метод выводов из наблюдений. Мы наблюдаем явления образования 1000 ия в

самом общем смысле, включающем в себе и воспитание. В каждом явлении образования мы видим двух деятелей - образующего и образующегося, воспитателя и воспитанника. Для того чтобы изучить явления образования, как мы его понимаем, найти его определение и критериум, нам необходимо изучить как ту, так и другую деятельность и найти причину, совокупляющую эти две деятельности в одно явление, называемое образованием или воспитанием. Рассмотрим сначала деятельность образующегося и причины ее. Деятельность образующегося, как бы, где бы и чему бы он ни учился (даже если бы он один читал книги), всегда заключается только в том, чтобы усвоить себе образ, форму или содержание мысли того человека или тех людей, которых он считает знающими больше себя. Как скоро он, по знанию, уравнивается с своими образователями, как скоро он не считает своих образователей выше себя по знанию, - так деятельность образования, со стороны образующегося, невольно прекращается, и никакие условия не могут заставить его продолжать ее. Один

человек не может учиться у другого, когда тот человек, который учится, знает столько же, сколько и тот человек, который учит. Учитель арифметики, не знающий алгебры, невольно прекращает свое учение арифметики, как скоро ученик его вполне усвоил себе знание четырех арифметических правил. Кажется, бесполезно доказывать, что как скоро знания учителя и ученика уравнились, так деятельность учения, воспитания в общем смысле образования, неминуемо прекращается между этими учеником и учителем, и начинается новая деятельность, состоящая или в том, что тот же учитель открывает ученику новую перспективу знаний, усвоенных им, но неизвестных ученику, по той или по другой отрасли наук, и образование продолжается до тех только пор, пока ученик не уравнивается с учителем; или в том, что, сравнившись с учителем в знании арифметики, ученик бросает учителя и берет книгу, в которой учится алгебре. В этом случае книга, или автор книги, представляется новым учителем, и деятельность образования продолжается только до тех пор, пока ученик не уравнивается с книгой,

или с автором книги. И опять деятельность образования прекращается немедленно при достижении равенства в знании. Истину эту, которая может быть проверена во всевозможных случаях образования, кажется бесполезно доказывать. Из этих наблюдений и соображений мы заключаем, что деятельность образования, рассматриваемая только со стороны образывающегося, имеет своим основанием стремление образывающегося к равенству в знании с образывающим. Истина эта доказывается тем простым наблюдением, что как скоро равенство достигнуто, так немедленно и неминуемо прекращается самая деятельность, и еще другим, более простым наблюдением, что во всяком образовании заметно это достижение большей или меньшей степени равенства. Хорошее или дурное образование всегда и везде, во всем роде человеческом, определяется только тем, медленно или скоро достигается равенство между учащим и учащимся: чем медленнее, тем хуже; чем скорее, тем лучше. Истина эта так проста и очевидна, что доказывать ее нет надобности. Но необходимо доказать, почему эта простая ис-

тина никому но приходит в голову, никем не высказывается и встречает озлобленное противодействие, когда бывает высказана? Причины эти следующие: кроме главного основания всякого образования, вытекающего из самой сущности деятельности образования, - стремления к равенству знания, в гражданском обществе сложились другие причины, побуждающие к образованию. Эти причины кажутся столь настоятельными, что педагоги имеют в виду только их, упуская из виду главное основание. Рассматривая теперь только деятельность образовывающегося, мы найдем много кажущихся оснований к образованию, кроме того существенного, которое мы высказали. Невозможность допустить эти основания легко может быть доказана. Ложные, но ощутительные эти основания следующие: первое и самое употребительное - ребенок учится для того, чтобы не быть наказанным. Второе ребенок учится для того, чтобы быть награжденным. Третье - ребенок учится для того, чтобы быть лучше других. Четвертое - ребе 1000 нок или молодой человек учится для того, чтобы получить выгодное поло-

жение в свете. Эти основания, признаваемые всеми, могут быть подведены под три главные разряда: 1) учение на основании послушания, 2) учение на основании самолюбия и 3) учение на основании материальных выгод и честолюбия. И в самом деле, на основании этих трех разрядов строились и строятся различные педагогические школы. Протестантские - на послушании, католические иезуитские - на основании соревнования и самолюбия; наши российские - на основании материальных выгод, гражданских преимуществ и честолюбия.

Неосновательность этих побудительных причин очевидна. Во 1-х, в действительности, по общему недовольству всех на существующие на таких основаниях образовательные заведения. Во 2-х, по той причине, которую я высказывал десять раз и буду высказывать до тех пор, пока мне на нее не ответят, что при таких основаниях (послушание, самолюбие и материальные выгоды) нет общего критерия педагогики, - и богослов и естественник одновременно считают свои школы непогрешительными и не свои школы положительно

вредными. В 3-х, наконец, потому, что, принимая за основание деятельности образовывающегося: послушание, самолюбие и материальные выгоды, становится невозможным определение образования. Допустив, что равенство знания есть цель деятельности образовывающегося, я вижу, что с достижением цели прекращается самая деятельность; но, допустив целию послушание, самолюбие и материальные выгоды, я вижу, напротив, что как бы послушен ни сделался образовывающийся, как бы ни превзошел он всех других своими достоинствами, каких бы он ни достиг материальных выгод и гражданских прав, - цель его нисколько не достигнута, и возможность деятельности образования не прекращается. Я вижу в действительности, что цель образования, допуская такие ложные основания его, никогда не достигается, т. е. не приобретает равенство знаний, а приобретает, независимо от образования, привычка послушания, раздраженное самолюбие и материальные выгоды. Постановление этих ложных оснований образованию объясняет мне все ошибки педагогики и вытекающую

из нее несоответственность результатов образования с присущими человеку требованиями от него.

Рассмотрим теперь деятельность образовывающего. Точно так же, как и в первом случае, наблюдая это явление в гражданском обществе, мы найдем много разнообразных причин этой деятельности. Причины эти можно подвести под следующие разряды: первое и главное - желание сделать людей такими, которые бы были для нас полезны (помещики, отдававшие дворовых в ученье и в музыканты; правительство, приготовляющее для себя офицеров, чиновников и инженеров). Второе - тоже послушание и материальные выгоды, которые заставляют ученика университета за известное вознаграждение учить детей по известной программе. Третье - самолюбие, побуждающее человека учить, чтобы выказать свое знание; и четвертое - желание сделать других людей участниками в моих интересах, передать им свои убеждения, с этою целию передать им свои знания. Мне кажется, что под эти четыре разряда подходит вся деятельность образовывающего, от

деятельности матери, учащей говорить своего ребенка, гувернера, за известную плату обучающего французскому языку, до профессора и писателя. Подводя под эти разряды то же мерило, которое мы прикладывали к основаниям деятельности образовывающегося, мы найдем: 1-ое, что деятельность, имеющая своею целью приготовить полезных для себя людей, как бывшие помещики и правительство, не прекращается с достижением цели, следовательно, она не есть ее конечная цель. Правительство и помещики могли бы еще далее продолжить свою деятельность образования. Очень часто даже достижение цели полезности не имеет ничего общего с образованием, так что мерилом деятельности образовывающегося я не могу признать полезность. 2-ое, ежели признать основанием деятельности учителя гимназии или гувернера - послушание тому, кто поручил ему образование, и материальные выгоды, которые он приобретает от этой деятельности, - я опять вижу, что с приобретением наибольшего количества материальных выгод деятельность образования не прекращается. Напротив того, я

вижу, что приобретение больших материальных выгод, платимых за образовывание, часто совершенно независимо от степени даваемого образования. 3-е, ежели допустить, что самолюбие и желание выказать свое знание может служить целью образовыванья, то я опять вижу, что достижение высшей похвалы за свои лекции, или за свою книгу, не прекращает деятельности образовывания, ибо похвала образователю может быть независима от степени приобретения знаний образовывающимся. Я вижу, напротив, что похвала может быть расточаема людьми, не усвоившими себе образования. 4-е, рассматривая, наконец, эту последнюю цель образовывания, я вижу, что ежели деятельность образователя направлена на то, чтобы уравнивать с собою знания образовывающегося, то деятельность образователя тотчас же прекращается, как скоро он достигает своей цели. И в самом деле, прилагая это определение к действительности, я вижу, что все другие причины суть только внешние, жизненные явления, затемняющие основную цель всякого образователя. Прямая цель учителя арифметики заключает-

ся только в том, чтобы ученик его усвоил себе все те законы математического мышления, которыми владеет он сам. Цель учителя французского языка, цель учителя химии и философии одна и та же; и как скоро цель эта достигнута, так и прекращается деятельность. Только то учение везде и во всех веках считали хорошим, при котором ученик вполне сравнивался с учителем, - и чем более, тем лучше, чем менее - тем хуже. Точно то же явление замечаем в литературе, в этом посредственном способе образования. Только те книги считаем мы хорошими, в которых автор или образователь передает все свое знание читателю или образующемуся.

Итак, наблюдая явления, как совокупную деятельность образующего и образующегося, мы видим, что деятельность эта имеет своим основанием как в том, так и в другом случае одно и то же - стремление человека к равенству знаний. В определении, сделанном нами в 1 Но, мы высказали это, только не присовокупив, что мы под равенством разумели равенство знаний. Мы прибавили, однако, стремление к равенству и неиз-

менный закон движения вперед образования. Г. Марков не понял ни того, ни другого и очень удивился - к чему тут неизменный закон движения вперед образования. Закон движения вперед образования значит только то, что так как образование есть стремление людей к равенству знаний, то равенство это не может быть достигнуто на низшей, а может быть достигнуто только на высшей ступени знания, по той простой причине, что ребенок может узнать то, что я знаю, а я не могу забыть того, что я знаю; и еще потому, что мне может быть известен образ мыслей прошедших поколений, - а прошедшим поколениям не может быть известен мой образ мыслей. Это я называю неизменный закон движения вперед образования. Итак, на все пункты г. Маркова я отвечаю только следующее: во 1-х, доказывать нельзя тем, что все идет к лучшему, - нужно прежде доказать, идет ли все к лучшему или нет; во 2-х, то, что образование есть только та деятельность человека, которая имеет основанием потребность человека к равенству и неизменный закон движения вперед образования. Я старался только выве-

сти г. Маркова из плоскости бесполезных исторических рассуждений и объяснить то, чего он не понял.